



N.A.B.A.
NORTH ASTER BIOTECH
ACADEMY

СОЗДАНЫ
НЕ ЖИТЬ.

СОЗДАНЫ
ЗАМЕНИТЬ.

ЕЛИЗАВЕТА БЕРТТ

СИНДРОМ СУРРОГАТА

АКАДЕМИЯ БИОИНЖЕНЕРИИ

N.A.B.A.

18+

Елизавета Бертт

Синдром Суррогата

<https://litres.ru/74457342>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Субъект 01 — Камилла Хейз. Успешно. Эффект — 100%».

«Субъект 73 — Кайл Блэквуд. В процессе. Статус — нестабилен».

В академии биоинженерии не лечат — здесь создают. Создают идеальных людей, оружие. Создают будущее, в котором нет места слабым.

Они — часть проекта. Проекта, который должен был остановиться десять лет назад, но не остановился.

В комнате 407 их ждет правда. Правда об отце, брате. О том, что их тела — не их собственные. О том, что единственный способ выжить — разрушить все, что они знали.

Ты не человек. Ты — эксперимент. И ты должен решить: стать оружием — или уничтожить создателя.

«Синдром суррогата» — о том, можно ли быть человеком, если ты создан в пробирке.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Дом Хейз	7
Глава 2. Ливерпуль — Лондон	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елизавета Бертт Синдром Суррогата

Пролог

Лондон, 23 июня 2024 года. 02:43.

Он умер в 2:43 ночи.

Комната была стерильно-белой. Свет горел ровно — без мерцания, без тепла. Монитор издал долгий, бесконечный звук, который, казалось, не собирался затихать. Медсестра нажала кнопку, и звук оборвался.

Тишина.

Мальчик лежал на кровати. Темные волосы разметались по подушке, глаза были закрыты. Если бы не тонкие трубки, выходящие из его рта и носа, можно было подумать, что он просто спит, но трубки больше не работали.

Медсестра взяла его за руку. Кожа была еще теплой. Она не плакала — она видела это сотни раз, но этот мальчик был особенным. Она не знала почему. Может быть, потому что он улыбался ей всего час назад. Сказал: «Спасибо, что вы здесь».

Она записала время смерти дрожащей рукой. В графе «Причина» она написала: «осложнения основного заболевания». Это была правда, но не вся.

Она не знала, что через час после ее ухода в палату придет человек в белом халате. Он отключит камеры. Откроет холодильник. Достанет контейнеры с маркировкой.

Она не знала, что тело мальчика покинет больницу не через морг, а через черный вход. Что его клетки будут заморожены, маркированы и отправлены в лаборатории.

Но где-то в глубине больницы, в старом журнале регистрации, появилась запись:

«Субъект 47. Томми Блэквуд. Время смерти: 02:43. Материал сохранен».

Запись была сделана не ее рукой.

Лондон, октябрь.

Дождь шел уже третий день.

Королевская академия биоинженерии стояла на холме, как старая крепость. Серый камень, высокие окна, чугунные ворота с короной. Она была построена, чтобы внушать благоговение. Или страх.

Внутри нее кто-то ждал. Не человек. Что-то другое.

Старая правда, которая лежала в стенах, как кости в земле. И она ждала того, кто будет достаточно смелым, чтобы ее коснуться.

В комнате на третьем этаже девушка с темными кудрями смотрела в зеркало и не узнавала себя. На ее запястье горел шрам — старый, забытый, но вдруг зазвучавший болью.

Она не знала, что сегодня она встретит человека, который перевернет ее жизнь. И что эта встреча будет началом конца.

Но пока она смотрела в зеркало и видела только девушку, которая не знает, кто она.

Глава 1. Дом Хейз

Лондон, октябрь. 06:47.

Она проснулась от тишины.

Не от шума, не от света — от того, что в комнате стало слишком тихо. Как будто воздух перестал двигаться. Как будто мир замер на мгновение, чтобы посмотреть на нее.

Камилла лежала неподвижно, глядя в потолок. Тени от веток платана качались на белой штукатурке — медленно, как пальцы слепого, ощупывающие лицо. Сон ускользал, оставляя после себя только ощущение: она видела что-то важное. Что-то, что пыталось пробиться сквозь толщу лет.

Но она не помнила что.

Она села на кровати. Простыня была влажной — пот или слезы, она не знала. Она никогда не знала.

На запястье горел шрам. Старый, белесый, почти незаметный — но в последние дни он болел, чесался. Как будто что-то под кожей хотело выйти наружу.

Она провела пальцем по его краю. Кожа была гладкой, но внутри — под ней — пульсировало тепло. Живое и чужое.

Она натянула длинный рукав водолазки. Спрятала его, как всегда.

Коридоры академии. 07:15.

Она вышла из комнаты и пошла по коридору. Утро в академии было таким же, как всегда: тишина, мраморные полы,

запах полировки и старых книг. Свет сочился сквозь высокие окна — серый, лондонский, без тепла.

Она знала это место как свои пальцы. Каждый поворот, каждый скрип половицы, она выросла здесь. Она помнила, как пряталась за колоннами в детстве, как смотрела на портреты мужчин в мантиях и думала: «Они знают что-то, чего не знаю я».

Теперь она не была уверена, что они вообще знали правду.

Она прошла мимо часов на третьем этаже. Они остановились на 4:07. Никто не знал почему. Никто не решался спросить.

На втором этаже — портрет основателя. Мужчина с жестким лицом и глазами, которые смотрели сквозь тебя. Она остановилась на мгновение. Ей показалось, что его взгляд дрогнул.

Но это была просто игра света и она пошла дальше.

Столовая. 07:45.

Мать сидела за дальним столиком. Леди Катарина Хейз — кандидат наук, преподаватель биоэтики. Она выглядела как всегда: серый костюм, жемчужные серьги, идеальная прическа. Под глазами залегли тени — она тоже не спала.

— Доброе утро, Ками.

— Доброе утро, мама.

Ками села напротив. На столе стоял поднос с овсянкой и чаем. Все как всегда.

— Ты опять не спала, — сказала мать. Не спросила —

констатировала.

— Снились сны.

— Какие?

— Я не помню.

Мать отставила чашку. Посмотрела на нее с той усталостью, которую Ками видела столько раз, что перестала замечать.

— Ты должна перестать думать о прошлом, — сказала мать. — Оно не вернется.

— Я не думаю о нем. Оно думает обо мне.

Мать промолчала. Она всегда молчала, когда разговор касался прошлого. Камилла знала эту тактику — она видела ее с детства. Мать уклонялась, уходила, пряталась и младшая Хейз перестала задавать вопросы.

Но сегодня она хотела спросить. О шраме, о снах, о том, почему отец никогда не говорит о ее детстве.

— Мама, — начала она.

— У меня лекция в девять, — перебила мать, поднимаясь. — Ты придешь?

— Да.

— Хорошо.

Она наклонилась и поцеловала Камиллу в лоб. Быстро, почти невесомо. Как будто боялась задержаться.

— Увидимся.

Она ушла. Ками осталась одна с остывшим чаем и вопросом, на который никто не хотел отвечать.

Библиотека. 10:00.

Камилла пошла в библиотеку вместо лекции, ей нужно было побыть одной.

Библиотека академии была огромной — трехэтажное помещение с высокими потолками, которые терялись в темноте. Книги стояли плотными рядами, как солдаты. Запах старой бумаги и пыли окутывал ее, как одеяло.

Она прошла в дальний угол, туда, где никто не искал. Села у окна, глядя на парк. Дождь моросил, превращая листву в жидкое золото.

На столе лежала книга. Она не заметила ее раньше — старая, в потертой кожаной обложке, без названия.

Она открыла ее.

Первая страница была пустой. Вторая — тоже. Но на третьей кто-то написал от руки:

«Правда не всегда там, где ее ищут. Иногда она там, где ты боишься смотреть».

Она закрыла книгу, пальцы дрожали.

— Это не ваше.

Она обернулась.

Он стоял в проходе между стеллажами — высокий, широкоплечий, с коротко стриженными светлыми волосами. На нем была черная футболка, которая открывала руки — татуированные, с рисунками, которые она не разглядела.

Он смотрел на нее с легкой настороженностью. Не враждебно — изучающе.

— Извините, — сказала она. — Я не знала.

— Теперь знаешь.

Он шагнул к столу и взял книгу. Его пальцы были длинными, сильными. На правом предплечье она заметила цифры — 12.03.2012 — 23.06.2024. Между ними — силуэт динозавра.

Она хотела спросить, что это значит, но он уже развернулся и пошел к выходу.

— Подождите, — сказала она.

Он остановился, но не обернулся.

— Кто вы?

— Тот, кто ищет правду, — ответил он. — Как и вы.

Он ушел. Она осталась сидеть, глядя на пустой стол.

Она не знала его имени. Не знала, что он здесь делает, но почему-то внутри нее что-то дрогнуло.

Как будто она уже знала его. Будто он был частью ее сна.

Комната Камиллы Хейз. 14:00.

Она вернулась к себе и закрыла дверь. Села на кровать, глядя в стену.

На подоконнике лежал конверт. Белый, без марок, без адреса. Она не видела его утром.

Она открыла его.

Внутри — фотография. Старая, черно-белая, с загнутыми краями. На ней — девочка, лет пяти. Темные кудри, смуглая кожа, серьезные глаза. Она стояла в белой комнате, сжимая в руках что-то маленькое.

На обороте — одна строка:

«Ты не знаешь, кто ты, но ты узнаешь. — М.С.»

Ками перевернула фотографию. Девочка улыбалась — странно, как будто не знала, что делать с этим лицом.

Она узнала себя. Это была она.

Но она не помнила эту комнату, этот день. Не помнила, что за предмет она держала в руках.

Она провела пальцем по изображению. Шрам на запястье горел сильнее, чем когда-либо.

— М.С., — прошептала она. — Кто ты?

В ответ — только тишина.

Вечер. 19:00.

Камилла стояла у окна, глядя на Лондон, который горел огнями внизу. Дождь прошел. Небо прояснилось, обнажив первую звезду.

Она думала о человеке в библиотеке. О его татуировках. О датах на его руке, 2012–2024. Это был кто-то, кого она не знала, но почему-то он казался ей знакомым.

Она думала о фотографии. О белой комнате. О том, что кто-то знал ее прошлое лучше, чем она сама.

Она думала о матери, которая уклонялась от ответов.

И о шраме, который горел под кожей, как напоминание о чем-то забытом.

— Я узнаю, — сказала она себе. — Что бы это ни было. Я узнаю.

Она не знала, что завтра начнется все. Что человек из биб-

блиотеки вернется. Что она пойдет за ним в подвал, в комнату 407.

И что шрам на ее запястье был не просто шрамом. Он был ключом.

Но она не знала этого. Пока.

Глава 2. Ливерпуль — Лондон

Ливерпуль — Лондон, поезд. 05:30.

Он не спал всю ночь.

Поезд шел на юг, разрезая утренний туман, который лежал над полями, как молоко. Кайл сидел у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Мимо проплывали серые дома, мокрые крыши, безликие станции. Он не смотрел на них, он видел другое.

Внутри его головы прокручивалась одна и та же картинка. Палата, белая, кровать и мальчик с темными волосами, который улыбался, несмотря на трубки. Улыбался до последнего дня.

Томми.

Кайл закрыл глаза. Вдохнул. Запах поезда — металл, пыль, чужая жизнь. Он попытался отодвинуть воспоминания, но они были липкими, как дождь на коже.

Он вытащил из кармана старую фотографию. Томми, шесть лет. Он держит в руках плюшевого динозавра — брахиозавра — и улыбается в камеру. Тогда он еще мог ходить. Тогда он еще мог говорить без боли.

Кайл провел пальцем по картонному краю.

— Я найду того, кто это сделал, — прошептал он.

Поезд замедлялся. Лондон приближался.

Вокзал Юстон. 06:47.

Он вышел на платформу и остановился.

Лондон встретил его запахом выхлопных газов и сырого асфальта. Толпа текла мимо, не замечая его. Он стоял неподвижно, как скала посреди реки.

Он был здесь один раз. Когда Томми лежал в больнице в Кенсингтоне. Тогда он не запомнил города — только белые стены, запах антисептика и голос врача: «Мы сделали все, что могли».

Он сжал лямку рюкзака и двинулся к выходу.

Королевская академия биоинженерии. 08:00.

Академия стояла на холме, как старый часовой. Серый портлендский камень, высокие стрельчатые окна, чугунные ворота с короной. Она была построена, чтобы внушать благоговение или страх.

Кайл остановился перед воротами, поднял голову. Герб над входом — две перекрещенные спирали. Девиз на латыни. Он не стал переводить.

Он знал, что внутри этого здания есть человек, который держит ответы. Сэр Генри Хейз. Директор. Ученый. Убийца.

Кайл шагнул внутрь.

Приёмная директора. 08:45.

Секретарша с идеальной укладкой проводила его в кабинет.

Он вошел и закрыл за собой дверь.

Кабинет был огромным — высокие потолки, тяжелые шторы, книги на стенах. За массивным столом сидел чело-

век. Седой, с бледно-голубыми глазами, с улыбкой, которая не касалась ничего.

— Мистер Блэквуд, — сказал сэр Генри, вставая. — Добро пожаловать. Я читал ваше заявление. Очень... проникновенное.

Кайл сел без приглашения. Он не собирался играть в вежливость.

— Я пришел учиться, — сказал он. — И искать ответы.

— Ответы на что? — сэр Генри наклонил голову.

— На вопросы, которые оставил мой брат.

Сэр Генри не изменился в лице. Ни тени, ни дрожи. Только легкая пауза — слишком короткая, чтобы быть замеченной, но Кайлеб ее уловил.

— Ваш брат... Томас, кажется? Он участвовал в нашей программе лечения СМА. Это была экспериментальная терапия. Не все пациенты выживали, это трагедия.

— Да, — сказал Кайл. — Трагедия.

Они смотрели друг на друга. В этом взгляде было все: вопрос, ответ, молчание.

— Я надеюсь, вы найдете в академии то, что ищете, — сказал сэр Генри. — У вас большой потенциал.

— Я знаю, — ответил Кайл и поднялся.

Он вышел из кабинета, оставляя директора в тишине. Но когда он закрывал дверь, он услышал, как сэр Генри сказал кому-то по телефону: «Да, он пришел. Наблюдайте».

Кайл замер на мгновение. Потом пошел дальше.

Коридоры академии. 09:30.

Он бродил без цели, запоминая каждый поворот. Архитектура была запутанной — старые здания всегда хранят тайны в своих коридорах.

Он заметил дверь с номером 407. Она была металлической, тяжелой, без окон. Ни таблички, ни указателя. Просто номер.

Он хотел подойти, но кто-то появился в конце коридора. Женщина с короткими черными волосами и серьгами. Она шла прямо к нему.

— Вы новенький? — спросила она, остановившись в нескольких шагах.

— Да.

— Я — Мира Сингх. Преподаватель генетики. Вы будете на моей лекции.

Она улыбнулась. Улыбка была теплой, почти материнской, но в ее глазах Кайл заметил что-то острое, как лезвие.

— Приятно познакомиться, — сказал он.

— Взаимно. — Она посмотрела на дверь 407, потом снова на него. — Некоторые двери здесь лучше не открывать.

— Почему?

— Потому что за ними — правда. А правда не всегда приятна.

Она развернулась и ушла, оставляя его одного перед номером 407.

Комната Кайла. 12:00.

Он сидел на кровати, глядя в стену. Комната была маленькой, но чистой. На столе стояла лампа, на подоконнике — горшок с засохшим растением.

В кармане лежал дневник. Тот, который он нашел в архиве по дороге. Кто-то подложил его в его вещи — старый, потертый, с запахом пыли.

Он раскрыл его.

«Проект Ихтиозавр», — было написано на первой странице. — «Записи профессора Элиаса Вогана».

Кайл пролистал страницы. В основном — технические записи, даты, цифры. Но одна запись привлекла его внимание:

«Субъект 47 — Томми Блэквуд. 2012–2024. СМА. Вектор введен: 12.09.2012. Смерть: 23.06.2024. Причина: аутоиммунный менингит, вторичный по отношению к генной терапии. Ткани сохранены».

Кайл перечитал это дважды. Потом — третий раз.

Ткани сохранены. Они сохранили тело его брата.

Он не знал, что чувствовать. Гнев? Боль? Опустошение?

— Я найду правду, — прошептал он. — Даже если она убьет меня.

И в этот момент раздался стук в дверь. Кайл замер. Кто-то стоял за дверью.

— Открыто, — сказал он.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла она.

Девушка с темными кудрями и смуглой кожей. Та самая, которую он видел в коридоре. Она смотрела на него с насто-

роженностью.

— Вы тот парень из библиотеки? — спросила она.

— Да.

— Я... я нашла это в своей комнате.

Она протянула конверт. Белый, без адреса.

— Что там? — спросил он.

Она открыла. Внутри — фотография. Старая, черно-белая. На ней — девочка с темными кудрями и мальчик.

Кайл узнал его. Это Томми. Они стояли вместе, в белой комнате. Камилла посмотрела на него.

— Кто этот мальчик? — спросила она.

Кайл не знал, что ответить. Он знал только одно: этот снимок был сделан до того, как Томми умер. До того, как его клетки сохранили. До того, как все началось.

— Его звали Томми, — сказал он. — Он был моим братом.

— Ты знаешь его?

— Я знал, он умер.

— Как?

Кайл посмотрел ей в глаза.

— Его убили. И я думаю, что убийца — твой отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.